

Художественный мир Василия Белова в конце прошлого века стал своего рода гимном русской крестьянской культуры. Городская цивилизация, самонадеянно решившая, что её рационалистический уклад вполне самодостаточен, вдруг ощутила некую пустоту в своём пространстве, которая не заполнялась ничем, а с течением времени становясь только шире, приобретала свойства тягостной болезни, непонятной и неизлечимой никакими «интеллектуальными» лекарствами. И перед русским народом и всеми иными этническими образованиями тогдашнего Советского Союза, словно волшебный и почти беспредельный мир, как бы из небытия или глухой неизвестности внезапно возник огромный материк традиционной русской

народной жизни, воплощённой в слове, в образах, живых примерах, в деталях, именах, умениях и распорядке. Таково было впечатление от прозы писателя, проникновенно повествующего о простых людях, их радостях и бедах, о биографиях, вписанных в бытие великой страны и растворившихся в нём, доносящихся до нас теперь только говором и лицами, да ещё отрывочной памятью о больших и малых событиях.

Тогда казалось, что большая страна обратится к русскому фундаменту жизни, найдёт в нём необходимую опору и построит царство труда и справедливости, возблагодарив всех тех, кто неимоверными усилиями нёс на собственных плечах бремя социалистической идеи.

Шли годы, крепло течение литературы, посвящённой русской почве. Но рядом и на ключевых точках литературного ландшафта напитывалась соками нашей земли иная словесность, национально выхоленная, наделённая какой-то дистиллированной кровью. Она отодвигала наследников отечественной художественной традиции на обочину литературного процесса, превращая в пошлый фельетон сердечные слова, вышедшие из самой глубины земной. И народ, по душе русский, а внешне всё ещё советский, незаметно для себя начинал говорить о

малозначащем, задумывать над ничтожным, находить разумные объяснения низкому и уродливому.

Писатели, которых литературные говоруны называли «деревенщиками», на страницах своих рассказов и повестей, стихотворений и романов сражались за свою страну, спасая уже самые её основы от поругания и уничтожения. Однако государство, в котором происходили эти невидимые битвы, было уже обречено — и собственной внациональной доктриной, и людьми, вскормленными западной манной и находящимися на ключевых постах державы.

Вся история советской «деревенской», а на самом деле подлинно русской литературы являет собой трагическую летопись поражения. С этим можно не соглашаться, однако стоит помнить евангельские слова о зерне, которое должно умереть, чтобы затем возродиться. Именно так стоит понимать подвиг писателей-«деревенщиков», потому что они — не представители творческого цеха, в котором можно менять по своему усмотрению приёмы и литературные механизмы. На самом деле — они внуки русской литературной классики, которым выпало разбираться с наследством дедов и отцов под присмотром цепких конвойных, на морозе и зное, преодолевая слабость тела

и прислушиваясь к далёким голосам, идущим из смутной толщи памяти.

Василий Иванович Белов судьбой своей был призван в первую линию этого духовного и творческого ополчения. Поразительно острое зрение и речевая свобода позволили ему создать множество литературных героев, которые стали близкими и дорогими всякому человеку, спокойно и с достоинством говорящему о себе: «Я — русский». Удивительный лиризм его прозы даёт нам право назвать Василия Белова сердцем русской литературы последних десятилетий. Он чувствовал народную жизнь как никто другой и считал, что отечественная классика коснулась важнейших почвенных сюжетов лишь в очень малой степени. Ему не удалось воплотить всё многообразие современной подлинно русской жизни — не хватило физических сил, и он ушёл, оставив нам свои книги, с которыми придётся жить бок о бок уже не поколению 60-летних, а новым молодым.

Его повести и рассказы являются продолжением той кристальной литературы, к которой принадлежат Толстой и Чехов, Достоевский и Лесков. Не отображение быстротекущей жизни, а погружение в народное бытие — вот главное качество произведений Белова. Конечно, на первый план при таком понимании

его творчества выходят вещи философские и орнаментально-жизнелюбовские, однако поразительное напряжение любви к своим героям от автора передаётся читателю, и уже он, дитя нынешнего столетия, горюет и плачет, смеется и вздыхает над живыми страницами писателя. Это — литературная часть творческой судьбы Василия Белова, но есть ещё и другая её сторона, связанная с книгой «Лад».

Существует целая полка книг, посвящённых русскому характеру и народным обычаям. Все они писались в эпохи, когда Российская империя не стыдилась слова «русский», а либеральный лай в отношении этнической основы государства имел свои пределы. В позднее советское время эти книги стали переиздаваться, хотя в середине XX века были изъяты из круга массового чтения и доступны лишь специалистам. Между тем, такие исследования и очерки — продукт учёного ума или публицистического, пусть и глубоко положительного, взгляда на вещи.

Соединение предметной точности, широты охвата того или иного явления, любви к изображаемому и осознанной собственной принадлежности к русскому народу — подобный культурологический и художественный синтез в книге «Лад»

явлён нам впервые. Сегодня зрелый человек и подросток, только начинающий понимать своё место в нынешнем почти «вавилонском» столпотворении этносов, найдут в произведении Василия Белова координаты, в которых необходимо строить собственную жизнь и семейный уклад, налаживать чуткое взаимопонимание с природой. Всё это может показаться химерой современному городскому человеку. Хотя в действительности он сам представляет собой только пыль от движения стран и народов через времена и пространства.

Пройдёт совсем немного лет, и русская молодёжь обратится к творению Василия Ивановича Белова в надежде найти на его страницах духовно верную карту отечественного бытия. И уже здесь, в нравственном, культурном и интеллектуальном поле традиции, будет обозначен чёткий вектор дальнейшего развития родной страны. Вот почему «Лад» можно считать не только бесценным художественно-историческим документом, но и воспринимать как побуждение к действию. Как программную книгу, в которой заключены сохранившиеся коды древней русской цивилизации.